

ее частях один и тот же, но каждая литургия дает возможность пережить его по-новому, а, следовательно, и заново пережить встречу с Богом. Но из дня в день произносить один и тот же текст «тихо и ободренным голосом» – это уже театр.

-
1. Русская старина. 1902. № 9. Цит. по: *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990.
  2. *Воропаев В. А.* «Размышления о Божественной Литургии» Николая Гоголя: из истории создания и публикации. URL: <http://www.rusimfonia.ru>
  3. Театр : (О зрелищах, развлечении и театре). М., 1998.
  4. *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990.
  5. *Иоанн Кронштадтский.* Мысли о Церкви и православном богослужении. Т. 1. СПб., 1905.
  6. *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя: Вариации к теме. М., 1996.
  7. *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб., 2005.
  8. *Возглицева К. И.* Театральное пространство: культурологический аспект // Изв. Ур. гос. ун-та. 2005. № 35 // URL: <http://www.usu.ru>
  9. *Попов А. Д.* Творческое наследие. М., 1980. Кн. 2.
  10. Цит. по: *Генова Н. М.* Выпускная квалификационная работа : учеб.-метод. пособие. Омск, 2005.
  11. *Паламишев А. М.* Театр Н. В. Гоголя: Природа театральности прозы писателя. М., 1982.
  12. URL: <http://www.voskres.ru>

Дж. Л. Лундبلاد
г. Гетеборг (Швеция)

Своеобразие жанра «Сибирской тетради» Ф. М. Достоевского*

Те, кто еще не знаком с содержанием «Сибирской тетради», которую вел Ф. М. Достоевский в годы пребывания на каторге в Омске, прежде всего спрашивают, что именно можно найти в «тетрадке каторжной»? На это возможны два ответа – простой и сложный. Простой ответ следующий: в ней есть множество интересных, смешных, удивительных, печальных и тонких записей! Сложный ответ, однако, показывает, что «Тетрадь» является комплексным и своеобразным собранием отрывоч-

---

* Работа выполнена под руководством доц. А. В. Подчиненова.
© Лундبلاد Дж. Л., 2009

ных и несвязных высказываний каторжников в Омске и солдат в Семипалатинске. «Сибирская тетрадь» трудна. Ее содержание необходимо сначала перевести с русского на русский для того, чтобы ее правильно читать и понимать. Особенной характеристикой «Тетради» является то, что она почти полностью состоит из различных диалогов, или, точнее говоря, из фрагментов и кусков разных диалогов. Это говорит о том, что Достоевскому, вероятнее всего, уже на каторге удалось начать свой путь к той совершенной полифонии, которой он достиг впоследствии в своих великих романах. Достоевский записывал в нее то, что слышал от людей вокруг. В «Сибирской тетради» сталкивается множество жанров. Здесь мы встречаем почти все малые жанры и словесные формы фольклора: пословицы, поговорки, легенды, анекдоты, шутки, проклятия, приветствия, фразеологию, брань, ругань, каламбуры и окказионализмы. На первый взгляд, кажется, что «Тетрадь» лишена присутствия самого Достоевского, что она состоит лишь из слов неизвестных, чужих людей, и ничего более. Подобную ошибку совершали исследователи творчества писателя долго, но на самом деле «Тетрадь» является своего рода, пусть и очень необычным, но все же дневником. В конце ее четыре раза приведено латинское слово «*eheu*» («увы»), связь которого с первой женой Достоевского, Марьей Дмитриевной, удалось доказать Т. И. Орнатской [1] лишь в 1980-е годы. Уже в отборе материала отчетливо виден Достоевский; ни одна из записей не находится в «Тетради» случайно, все имеют свое естественное место в ней, благодаря чему они и обладают своим особым значением для писателя. Временами замечаем, что некоторые записи стоят в «Тетради» «тематическими блоками» – в качестве особо популярных и частотных тем можно назвать, например, деньги и пьянство.

В «Сибирской тетради» присутствует 43 пословицы. Из них некоторые все еще употребляются в современном русском языке и не кажутся ни устаревшими, ни старомодными. Для многих из этих пословиц характерна вариативность: они немного изменены, отличаются от традиционных вариантов, зафиксированных в словарях. Например: «Нашего брата, дураков, ведь не сеют, а мы сами родимся» [2].

Здесь видим вариант пословицы «*Дураков не орут, не сеют, а сами родятся*». В этом случае можно твердо сказать, какое изменение происходило с известной пословицей – из глагольной формы третьего лица множественного числа возникла глагольная форма первого лица, что указывает на то, что ее значение в определенной ситуации стало более личным. К тому же, находим личное местоимение «*мы*», которое тем сильнее подчеркивает, что пословица прямо касается либо того, кто ее говорит,

либо того, к кому она обращена. Вариативность пословиц в «Сибирской тетради» не удивительна, поскольку наблюдается среди всех записей малых форм фольклора. Для «Тетради» характерны диалогичность и постоянная сосредоточенность на коммуникативном акте, что и обуславливает вариативность дейктичного характера.

Многие поговорки, записанные Достоевским в «Тетради», не были широко известны в 1850-е годы; на жизнь и обитателей каторги в то время было наложено табу, отчасти и поэтому она впоследствии стала бесценным источником не только для литературоведов, но и для историков, этнографов и т. д. В ней содержится несколько поговорок, которые в то время не входили в литературный язык, особенно много так называемых «сибиризмов» – поговорок или слов, которыми пользовались только в Сибири. Читая подробные комментарии к последнему изданию «Сибирской тетради» в третьем томе полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в авторской орфографии и пунктуации, которое вышло в Петрозаводске 1997 году, можно подумать, что буквально все записи ее уже объяснены, поняты и, тем самым, больше не нуждаются в изучении. Это не так. Многие записи все еще остаются «темными», их значение – диффузным; в основном это те записи, которыми Достоевский в своих произведениях не пользовался (таких 140 из 468), и те, которые носят явный автобиографический характер.

В записи номер семь есть так называемая «острожная легенда» (так назвал ее сам писатель в «Записках из Мертвого Дома»), которая сама по себе интересна, в особенности тем, что она настолько же смешна, насколько трагична:

7) Вышел на дорогу, зарезал мужика проезжего, а у него-то и всего одна луковица. Что ж, батя, ты меня посылал на добычу; вон я мужика зарезал и всего-то луковицу нашел. Дурак! луковица – ан копейка, люди говорят. Сто душ, сто луковиц – вот те и рубль (С. 7).

Запись номер десять содержит приветствие: «10) Здравствуй, ты еще жив?! а я по тебе поминки делал; десятка два камней собакам раскидал» (С. 8). Неясно, о каком похоронном ритуале здесь идет речь. Можно предполагать разные варианты расшифровки, например, что выражение «десятка два камней» значит определенную сумму денег, которые говорящий истратил на водку для поминок, на которых все страшно напились, т. е. стали как «собаки». Другое предположение – что это просто традиционное приветствие (в определенных кругах) после долгой разлуки. Окончательной расшифровки для нее, как и для многих других ей подобных записей, еще не существует.

Запись номер одиннадцать замечательна своим народным юмором. Для фольклора характерно сочетание демонологического мотива с троичностью. Эта запись в комментариях классифицирована как *«присловье»*; можно воспринимать ее как брань, как присягу, как сильное выражение, как поговорку: «11) Чорт трое лаптей сносил прежде чем их в одно место собрал. Такой народ!» (С. 8).

В «Тетради» есть немало присловий, и они все являются такими же колоритными, как и данный пример. Любопытно при чтении данного присловья представить себе, какими должны быть люди, что Дьяволу приходится сносить три пары лаптей перед тем, как их всех собрать. (Любопытно и то, что выбор обуви Дьявола свидетельствует о том, что он и не предполагал, что потребуется столько времени для этого!) Тетрадные записи, и это одна из их главных жанровых особенностей, содержат в себе множество *«картин»*: перед глазами постоянно возникают различные образы – смешные и печальные, трагичные и комичные.

Запись номер шестнадцать служит примером каламбура, несмотря на то, что это не вполне корректно в соответствии с правилами жанра: «16) У меня, небось, не украдут. Я брат сам боюсь как бы чего не украсть (тилiscнуть)» (С. 8).

Однако настоящий каламбур показывает те исключительные нравы, которые были характерны для многих «хронических» воров, отбывающих свое наказание на каторге в Омске. Вор не боится того, что у него украдут, он боится, что сам украдет что-нибудь, словно это не под его контролем. В скобках дан Достоевским вариант этого слова на диалекте. Позже герой «Подростка» Аркадий приведет эту запись в качестве *«веселого слова»*, услышанного им на улице от прохожего.

Запись номер семнадцать представляет собой проклятие:

17) Чтоб тебя взяла чума Бендерская, чтоб-те язвила язва сибирская, чтоб с тобой говорила турецкая сабля. Как вас там било (колотило) так пусть и бьет (колотит) [Там же].

Данное проклятие разработано тщательно, и вряд ли его говорили «даром», скорее сгоряча, возможно, оно и было услышано писателем в ссоре между арестантами. Сам Достоевский рассказывал в «Записках из Мертвого Дома», как каторжники любили напиваться, после чего ссорились и ругались друг с другом, особенно в дни православных праздников. Интересно отметить, как выражение *«чума Бендерская»*, относящееся к XVIII веку, обретает твердую почву в народной речи.

«Тетрадь» содержит множество фразеологических выражений. Для примера приведем номер 27 – фразеологизм, который до сих пор используется в неизменном виде в современном русском языке: «(27) Пришлось зубы на полку положить» [Там же].

Некоторые варианты известных выражений Достоевскому первым удалось зафиксировать в письменном виде, как, например, следующий: «(85) Сибиряк соленые уши» (С. 12).

Запись номер 36 иллюстрирует диалог, построенный на языковой игре и проникнутый саркастической усмешкой, где речь идет о телесном наказании палками, что было самым распространенным видом наказания на сибирской каторге в XIX веке: 36) «“Вот тут-то и дали мне двести...” – “Рублей”? – “Нет брат палок”» (С. 9).

Здесь не случайно наблюдается примыкание к предыдущей записи номер 35: «Пришлось мне пройти по зеленой улице» (С. 9). Данное выражение трудно понять даже тому, для кого русский язык является родным, поскольку оно исходит из особенной ситуации, актуальной лишь для определенной среды – для каторги XIX века. Мимоходом заметим, что это выражение, употребленное писателем в «Записках из Мертвого Дома», было совсем недавно ошибочно переведено на шведский язык как «*пройти по зеленой улице*» (Bengt Samuelsson, 2007) без учета его истинного значения. «Зеленая улица» обозначала наказание, когда арестанту нужно было пройти сквозь строй солдат со шпирцутенами, получая определенное судом число ударов по обнаженной спине.

Запись номер 57 представляет собой анекдот. Это фольклорный диалог-анекдот, не получивший прямого художественного отражения в творчестве Достоевского:

57) Что везешь? дрова. Как дрова, дурак, это сено. – Коль сам знаешь, так чего спрашивать. – Как ты смеешь так отвечать! Чей ты? – Женнин, батюшка. Дурак! Я гов[орю], чей ты? Кто у вас старший, кто всех больше. Никита длинный, всех больше батюшка, вытянулся. Дурак! Я спрашиваю кто старший, кого вы боитесь? – А у соседа Михайлы сучка есть, презлющая! Без палки никто не ходи (С. 10).

Когда слышим слова: «Сибирь», «каторга», «арестанты», то представляем себе трагичную фигуру писателя Достоевского среди всего этого мрачного быта, и первое, что приходит на ум, – невеселые шутки и анекдоты. Но это не совсем так. «Сибирская тетрадь» – книга веселая; она полна шуток, анекдотов, остроумных замечаний. Многие из анекдотов записаны Достоевским в виде диалога. По их наличию в «Тетради» можно сделать вывод, что не только каторжники находили время и силу

для того, чтобы шутить и веселиться, но и Достоевский умел ценить их оживленное остроумие.

В качестве еще одного примера жанрового разнообразия «Тетради» можно считать новые слова (неологизмы): «60) Да что ты со мной лимонничаешь? Чего ты со мной апельсинничаешь?» [Там же].

Здесь появляются экзотические, немыслимые в обстоятельствах «народной» каторги и солдатчины глаголы, искусственно образованные от существительных «лимон» и «апельсин». Леонид Гроссман, высказавший при опубликовании «Тетради» в 1936 году мнение, что ее главная ценность для творчества Достоевского видится в том, что она является своего рода «словарем», был отчасти прав. В ней мы действительно встречаем обилие новых, необычных и редких слов. Эти два глагола, которые писатель впоследствии применил в «Преступлении и наказании», вероятнее всего, и есть личное словотворчество писателя, который испытывал на каторге мучительную потребность в литературных занятиях. Ближайшим прототипом мог послужить глагол «миндальничать» – любезничать, кокетничать.

Краткое обозрение жанров, составляющих «Сибирскую тетрадь», позволяет выявить своеобразие жанра этой необычной книги Достоевского в целом. Большинству записей, однако, нельзя дать точные жанровые определения. Классифицировать все – задача неразрешимая. Но уточнить наше представление о художественной структуре «Тетради» помогут и те условные определения, которые даны в комментариях к ее последнему изданию. Необходимо, однако, принимать жанровые определения критически, особенно в том случае, если они кажутся слишком узкими. Запись вполне может принадлежать нескольким жанрам одновременно, в зависимости от того, где и в каком качестве она воспроизводится в последующих текстах Достоевского. Как, например, точно классифицировать жанровую принадлежность записи номер 434: «*Морген-фри, нос утри*» (С. 31), которой писатель пользовался в своем творчестве не менее одиннадцати раз?

---

1. Орнатская Т. И. «Сибирская тетрадь» // Достоевский : матер. и исслед. Л., 1983. Вып. 5.

2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Издание в авторской орфографии и пунктуации под редакцией профессора В. Н. Захарова: В 20 т. Т. 3. Петрозаводск, 1997. С. 7. Далее «Сибирская тетрадь» цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

3. Гроссман Л. Ф. Ф. М. Достоевский. Первая записная книжка // Звенья. Т. 6. М.; Л., 1936.